

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ГОЛЬЦМАНА:

КОВАЛЬНАЯ ШКОЛА.

Производный законъ, вполнѣ вытекающій изъ дѣятельности одной какой-либо причины, будетъ такъ же вѣренъ, какъ и законы самой причины.

(Система Логики. Д. С. Милль.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ и со вниманіемъ прочли мы, и прочли не одинъ, а нѣсколько разъ, статью ветеринарнаго лекаря и преподавателя теоріи и практики ковки въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ, г. Гольцмана, скромно озаглавленную: „Ковальная Школа“, и помѣщенную въ № 11 „Военнаго Сборника“ за 1867 годъ.

Г. Гольцманъ не просто опытный знатокъ своего дѣла, какъ онъ называетъ себя, а знатокъ *отличный* — такой знатокъ, какихъ у насъ въ Россіи пока очень и очень немного, если и эти-то немногіе, нами предполагаемые, дѣйствительно существуютъ. Высказываемъ это мнѣніе наше о г. Гольцманѣ безъ всякихъ оговорокъ и обиняковъ, и высказываемъ его тѣмъ смѣлѣе, что оно не однихъ насъ, а безъисключительно всѣхъ, кто такъ же коротко, какъ мы, имѣлъ случай ознакомиться съ преподавательской и кузнечно-практической его дѣятельностью. А такихъ лицъ много, даже очень много можно считать какъ между низшими, такъ и между высшими чинами нашей армейской кавалеріи. Но это еще не все.

Вопросъ о ковкѣ, имѣющей такое громадное значеніе какъ для кавалеріи, артилеріи, такъ и для государственнаго коннозаводства вообще, вопросъ, какъ извѣстно, очень еще не ста-

рый, едва ли насчитывающій десять, двѣнадцать лѣтъ своему существованію. Время пріѣзда г. Гольцмана изъ-за границы въ Россію какъ разъ почти совпадаетъ со временемъ возникновенія этого вопроса. Вызванный, въ качествѣ ученаго кузнеца, изъ Вѣны по приглашенію командира К* гусарскаго полка, г. Гольцманъ пріѣхалъ въ этотъ полкъ, и тотчасъ же на практикѣ выказалъ во всемъ блескѣ превосходныя свои свѣдѣнія какъ въ дѣлѣ ветеринарной науки вообще, такъ и въ ковкѣ въ особенности. Практическія свѣдѣнія г. Гольцмана тогда, какъ и теперь, были большою для всѣхъ новостью, которая не укрылась отъ опытнаго взгляда бывшаго командира своднаго кавалерійскаго корпуса, всѣми нами такъ глубокочтимаго барона Ивана Петровича Офенберга, немедленно же и пригласившаго его занять мѣсто преподавателя теории и практикиковки въ открывавшемся тогда елисаветградскомъ училищѣ. Г. Гольцманъ принялъ приглашеніе генерала Офенберга, и, занимая мѣсто преподавателя теории и практикиковки въ училищѣ въ теченіе восьми лѣтъ, т. е. до его упраздненія, явился, такъ сказать, распространителемъ въ нашей кавалеріи рациональныхъ началъ этого столь важнаго для каждаго кавалериста искусства. Что скрывать истину? Ковка и до сихъ поръ у насъ въ кавалеріи стоитъ далеко не на той степени, какъ то было бы желательно; но, за всѣмъ тѣмъ, она все-таки сдѣлала громадный шагъ впередъ по сравненію съ прошлымъ. И если такой шагъ сдѣланъ, то это должно быть отнесено столько же къ заботливости высшаго начальства, обратившаго полное вниманіе на ковку, сколько и къ прямой заслугѣ г. Гольцмана: онъ началъ распространять правильныя о ней понятія между офицерами, обучавшимися въ елисаветградскомъ училищѣ, а черезъ нихъ и между остальными нашими кавалеристами.

Говоримъ это вовсе не для комплимента г. Гольцману, который, какъ всякій заслуженный и серьезный дѣятель, въ немъ, конечно, не нуждается; говоримъ для того, чтобы обратить вниманіе возможно-большаго числа читателей „Военнаго Сборника“ на статью его, написанную не просто досужимъ перомъ дилетанта, сочиняющаго иногда отъ нечего дѣлать разнаго рода проекты, а перомъ дѣйствительно отличнаго знатока предмета, специалиста, который хотя, по скромности доли своей, и не пользуется громкой славой, но имѣетъ самую

почтенную и вполне заслуженную известность въ рядахъ нашей армейской конницы.

Указавъ причину, вынудившую его взяться за перо и заключающуюся главнѣйшимъ образомъ въ желаніи быть, по мѣрѣ силъ и возможности, полезнымъ своему второму отечеству, г. Гольцманъ заключаетъ свою статью приглашеніемъ, обращеннымъ къ читателямъ „Сборника“, высказать свое мнѣніе относительно совѣтовъ и мѣръ, предлагаемыхъ имъ въ видахъ наибольшаго распространенія правильныхъ познаній ковки въ рядахъ нашей арміи и снабженія ея достаточнымъ количествомъ свѣдущихъ и опытныхъ кузнецовъ.

Вполнѣ сознавая всю важность такого дѣла, охотно отзвѣваемся на приглашеніе г. Гольцмана, статью котораго и постараемся прослѣдить съ возможною тщательностью отъ начала до конца.

Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на важное значеніе ковки по отношенію къ развитію и усовершенствованію боевыхъ достоинствъ кавалеріи и артилеріи, г. Гольцманъ прямо начинается съ заявленія того печальнаго факта, существованіе котораго, увы! къ сожалѣнію, не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, а именно, что не только артилерія, но даже конница наша въ настоящее время почти-что не имѣютъ вовсе хорошихъ кузнецовъ. Причина такого печальнаго факта заключается, по мнѣнію г. Гольцмана, не столько въ недостаткѣ трудовъ и усилій, потраченныхъ нами на снабженіе кавалеріи хорошими кузнецами, сколько въ недостаточной *раціональности* мѣръ, которыя до сихъ поръ для того предпринимались. И въ подтвержденіе такого мнѣнія, съ которымъ трудно не согласиться всякому, близко знающему бытъ нашей конницы, г. Гольцманъ дѣлаетъ краткій критическій очеркъ мѣръ, предпринимавшихся съ цѣлію снабдить ее хорошими кузнецами.

До открытія елисаветградскаго училища, слившагося въ 1866 году съ учебнымъ кавалерійскимъ эскадрономъ, говоря по правдѣ, у насъ не было и рѣчи не только о раціональныхъ, но даже хотя о какихъ-либо мѣрахъ для снабженія кавалеріи не только отличными, но даже какими-нибудь кузнецами. А такъ какъ безъ кузнецовъ обойтись было нельзя, то, волею-неволею, каждый полкъ и долженъ былъ изворачиваться въ этомъ случаѣ такъ, какъ находилъ возможнымъ. Источникъ, изъ котораго главнѣйшимъ образомъ командиры

полковъ въ ту пору добывали себѣ кузнецовъ, былъ тотъ же, изъ котораго они добывали себѣ и сѣдельниковъ, и шорниковъ и столяровъ, и прочихъ необходимыхъ для полковаго хозяйства ремесленниковъ, т. е. рекрутскій наборъ. Кузнецы, попадавшіеся въ полки изъ рекрутъ, по степени знаній своего ремесла, представляли самую разнообразнѣйшую смѣсь, какую только можно себѣ вообразить: попадались иногда и лучшіе подмастерья какого-нибудь столичнаго кузнечнаго мастера, сданные баринамъ за неплату оброка или за что-либо подобное, и ученики кузнецовъ-цыганъ, словомъ, все, что только выработывалъ въ своей средѣ русскій кузнечный міръ, и самъ-то, какъ попало, создавшійся. И полковые и эскадронные командиры, лишь только узнавали во вновь прибывшемъ рекрутѣ кузнеца, тотчасъ же, несмотря на степень его искусства, брали его въ полковую или эскадронную кузницу, и тамъ уже, частью угрозами, а еще больше добрымъ словомъ да ласкою, начинали по-своему переучивать или доучивать его до тѣхъ поръ, пока изъ него наконецъ не выработывался болѣе или менѣе сносный практикъ-кузнецъ. Продолжительность срока службы была въ этомъ случаѣ весьма немаловажнымъ средствомъ, помогавшимъ командирамъ полковъ и эскадроновъ разрѣшать эту далеко не легкую задачу—созданія для своего обихода кузнецовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ не могло быть и рѣчи о какой-либо общей методѣковки или о научныхъ ея началахъ: всякій дѣйствовалъ такъ, какъ умѣлъ и какъ помогалъ Богъ. Да и откуда было взять научныхъ началъ? У насъ и теперь-то врядъ ли найдется два, три ученыхъ кузнеца, считая въ томъ числѣ гг. Гольцмана и Мосса. А тогда объ нихъ не было и помину!... Но были тогда, какъ есть и теперь, кузнечные мастера, стяжавшіе себѣ, частью по заслугамъ, и еще чаще здорово живешь, громкую извѣстность. Вотъ къ этимъ-то господамъ въ некоторые командиры полковъ и отдавали въ обученіе солдатъ, платя за то иногда весьма большія деньги. Случаи такого отдаванія были, впрочемъ, весьма не часты, такъ какъ весьма естественно они обусловливались, съ одной стороны, близостью расположенія полка къ мѣсту жительства прославившагося мастера и продолжительной стоянкой на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ другой—денежными средствами командира полка,

которые, особенно въ послѣднее время, вовсе не были такъ велики, какъ о томъ многіе болтали.

Результаты, получавшіеся отъ такого отдаванія солдатъ въ кузнечную науку, были весьма различны. Случалось, что солдаты возвращались въ полки съ тѣмъ, съ чѣмъ пошли, т. е. ни съ чѣмъ, въ родѣ тѣхъ двухъ учениковъ известнаго мастера, о которыхъ упоминаетъ г. Гольцманъ въ своей статьѣ; но случалось, хотя и рѣдко, и обратное (*).

Что же было главнѣйшею тому причиною? кто виноватъ въ такихъ результатахъ? — спрашиваетъ г. Гольцманъ, и отвѣчаетъ, „во-первыхъ, посылающіе такихъ людей въ обученіе“. Прямо признаемся, мы этого не понимаемъ. Чѣмъ же, скажите, виноватъ командиръ полка, который съ своей стороны дѣлалъ положительно все, что только могъ, хлопоталъ изо всѣхъ силъ, бился, что называется, какъ рыба объ ледъ — и въ заключеніе всего, волею-неволею, хватался за то, за что только платилъ свои деньги, а въ результатъ все-таки получалъ нуль. За что винить человѣка, когда онъ хватается за плохое средство, когда другаго нѣтъ? Винить ли командировъ полковъ за то, что они, не имѣя другой возможности снабдить свои полки знающими кузнецами, обращались къ известнымъ мастерамъ, особенно когда старые кузнецы стали быстро умирать. Вотъ дѣло другое, когда вы вините мастеровъ, бравшихся обучать людей и не научившихъ ихъ ничему ни въ длинныя, ни въ короткія сроки: они виноваты, и виноваты, пожалуй, и во-первыхъ и во-вторыхъ: зачѣмъ брали деньги за то, чего, обязываясь дать, не давали, и что могли, хотя отчасти, дать. И не отсутствіе правъ у учителя принуждать и взыскивать съ ученика, какъ думаетъ г. Гольцманъ, было причиною безуспѣшности занятій со стороны послѣдняго: смѣшно же было бы представить какому-нибудь частному мастеру, хотя бы и прославившемуся, право наказывать по

(*) Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ слѣдующій примѣръ. Бывшій командиръ 4-го драгунскаго Астраханскаго полка, полковникъ Бодиско (нынѣ генералъ-майоръ), отдалъ двухъ солдатъ своего полка для обученія въ кузначу, состоящую при ветеринарномъ отдѣленіи харьковскаго университета. Изъ обоихъ этихъ солдатъ вышли, конечно, не ученые, но отличные кузнецы. Она оба уже возвратились домой, но оставили учениковъ своихъ, и покакъ до сихъ поръ кузетелъ весьма и весьма удовлетворительно. Просимъ извиненія у многоуважаемаго Константина Николаевича, что позволили себѣ упомянуть его имя, не спрося на то предварительно его разрѣшенія. Но тутъ, вѣдь, идетъ дѣло о нуждахъ кавалеріи, которую онъ такъ же любитъ, какъ и мы.

своему усмотрѣнію солдата, частнымъ образомъ помѣщеннаго у него... а гораздо скорѣе недобросовѣстное исполненіе мастерами обязанностей, добровольно ими на себя принятыхъ. А и еще того больше обстоятельства, среди которыхъ естественно стоялъ солдатъ, отданный въ ученики.

Успѣшность всякаго человѣческаго дѣла, въ особенности такого, какъ основательное изученіе наукъ, искусствъ, ремеслъ и проч., обуславливается всегда, во-первыхъ, доброю волею, охотою и усердіемъ, съ какими человѣкъ берется за него, во-вторыхъ, интересомъ, нравственнымъ или матеріальнымъ, все равно, какой онъ надѣется извлечь изъ него для себя. Истина этого положенія признана нынѣ всѣми, и доказана давнымъ-давно столько же чисто-научнымъ, сколько и чисто-опытнымъ путемъ. Виѣ этихъ условій, всякій человѣчскій трудъ есть уже чисто-крѣпостной трудъ, т. е. самый безнадежный и бесплоднѣйшій изъ всѣхъ трудовъ. Трудъ солдата, отданнаго въ ученики къ кузнецу ли, къ столяру ли, какъ тамъ вы не вертите дѣло, во всякомъ случаѣ именно и есть этотъ бесплодный, крѣпостной трудъ, ибо въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ солдатъ, именно потому, что онъ солдатъ, не можетъ имѣть къ нему ни особой охоты, хотя, пожалуй, и заявить ее при спросѣ, изъ какихъ-либо своихъ, иногда совершенно постороннихъ видовъ, ни непосредственнаго въ немъ интереса. Ну, скажите, съ чего, съ какихъ благъ и радостей станетъ солдатъ по цѣлымъ днямъ жариться у кузнечнаго горна да ворочать тяжелымъ молотомъ? Что онъ этимъ выиграетъ противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые, оставаясь въ полку, не несутъ такой тяжелой работы, какова вообще работа кузнеца?... Скажете, пожалуй, что въ будущемъ, по выходя въ отставку, эта работа дастъ ему кусокъ хлѣба. Да всегда ли близко для солдата это будущее, а если и близко, то всегда ли еще въ этомъ будущемъ сложатся тѣхъ обстоятельства, что ему придется извлекать кусокъ хлѣба именно изъ кузнечнаго ремесла?... По свойству природы своей, всякій человѣкъ, а особенно простолудинъ, любить больше синицу въ рукахъ, чѣмъ журавля въ небѣ, двигается въ работѣ своей интересомъ не будущаго, находящагося гдѣ-то за горами, а интересомъ минуты... Самъ г. Гольцманъ говоритъ, что для усовершенствованія себя въ чемъ бы то ни было необходимы охота, добрая воля, усердіе, т. е. именно то, чего,

по словамъ его же, и недоставало солдатамъ, отданнымъ въ ученики къ вольнымъ мастерамъ. Значить, тутъ нерадѣніе и лѣность, которыми вообще отличались они, были слѣдствіемъ не отсутствія принудительныхъ мѣръ или строгаго за ними надзора, какъ полагаетъ г. Гольцманъ, а отсутствія съ ихъ стороны охоты и доброй воли. Неужели г. Гольцманъ серьезно полагаетъ, что принудительныя и карательныя мѣры, совмѣстно съ строгимъ надзоромъ, достаточны для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ охоту и усердіе, когда ихъ въ немъ нѣтъ?

Да простить насъ и публика и почтенный редакторъ „Военнаго Сборника“, что мы такъ долго останавливаемся на разборѣ мнѣнія г. Гольцмана относительно безуспѣшности той мѣры, какая существовала и даже до сихъ поръ существуетъ, какъ главнѣйшая, въ дѣлѣ снабженія нашей конницы кузнецами. Но мы почли это необходимымъ, потому что г. Гольцманъ слишкомъ, какъ намъ кажется, поверхностно взглянулъ на эту мѣру, почему и не сдѣлалъ изъ нея того вывода, который долженъ былъ бы сдѣлать. А послѣднее чрезвычайно видно. Разъ человѣкъ задумалъ предложить замѣну существующаго учрежденія ли, постановленія ли другимъ, какъ это сдѣлалъ г. Гольцманъ, то прежде всего онъ долженъ самымъ основательнѣйшимъ образомъ рассмотретьъ всѣ выгоды и недостатки того учрежденія или постановленія, которое измѣнить желаетъ; иначе весьма легко можетъ случиться, что тѣ же самые недостатки войдутъ незамѣтно и въ учрежденіе или постановленіе, вновь проектируемое, отъ чего все дѣло вдругъ можетъ обратиться въ такую игру, которая не стоитъ и свѣчь.

Какіе же однако выводы можно сдѣлать изъ всего того, что было говорено выше относительно нынѣ существующей мѣры снабженія нашей конницы и артилеріи кузнецами? По нашему мнѣнію, слѣдующіе:

1) Что мѣра эта находится въ зависимости отъ такой массы случайностей, при которой самое снабженіе артилеріи и конницы не только вполнѣ свѣдущими, но даже какими бы то ни было кузнецами, является дѣломъ совершенно случайнымъ.

2) Что при существованіи такой мѣры не можетъ быть и рѣчи о введеніи въ полкахъ и батареяхъ ковки, основанной на началахъ научныхъ, т. е. такой ковки, которая въ настоя-

щую минуту является одной изъ самыхъ кричащихъ надобностей нашей артиллеріи и конницы.

3) Что отдача солдатъ въ обученіе къ вольнымъ мастерамъ, разсматриваемая какъ подспорье къ нынѣ существующей мѣрѣ, въ сущности является подспорьемъ чисто-фактивнымъ, такъ какъ оно и само находится въ зависимости отъ цѣлой бездны случайностей: средствъ командира полка, или правильнѣе, остаточныхъ средствъ полка, нахождения въ мѣстѣ его расположенія искуснаго вольнаго мастера, добросовѣстность этого мастера и проч.

4) И главное, что изъ солдата-ученика можетъ еще, пожалуй, выработаться чернорабочій мастеръ, полезный работникъ подъ рукою свѣдущаго и ученаго мастера, но не выработается такой свѣдущій и ученый кузнецъ, какой именно необходимъ въ каждомъ полку, какъ для усовершенствованіяковки, такъ и для обученія ей строевыхъ солдатъ, изъ которыхъ лучшіе могли бы образоваться подъ его руководствомъ въ хорошихъ чернорабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его же непосредственныхъ помощниковъ.

Сдѣлавъ эти выводы, пойдемъ далѣе.

Мы уже замѣтили выше, что до учрежденія елисаветградскаго офицерскаго кавалерійскаго училища, сливагося въ 1866 году съ учебнымъ кавалерійскимъ эскадронномъ, строго говоря, у насъ не было даже и рѣчи о снабженіи кавалеріи свѣдущими кузнецами. Такимъ образомъ, бывшее елисаветградское училище, а нынѣ учебный эскадронъ являются первыми, такъ сказать, рациональными мѣрами, посредствомъ которыхъ надѣялись рѣшить прямо и положительно этотъ важный въ матеріальномъ быту кавалеріи вопросъ. Что же: достигли объ эти мѣры предполагаемой цѣли? Г. Гольцманъ отвѣчаетъ на вопросъ прямо отрицательно, говоря съ полной откровенностію, что „цѣль, не достигнутая прежде, не достигается и теперь“. И это заключеніе дѣлаетъ г. Гольцманъ на основаніи такихъ доводовъ, съ которыми трудно не согласиться вполне, какъ равно трудно не согласиться и съ тѣми заключеніями, сформулированными въ пяти пунктахъ, къ которымъ онъ приходитъ, изложивъ вкратцѣ „результаты употребленныхъ донинѣ, по предмету обученіяковки, трудовъ“.

Подготовивъ такимъ дѣльнымъ образомъ почву для рѣшенія вопроса о снабженіи артиллеріи и кавалеріи кузнецами, г. Гольц-

манъ приступаетъ къ рѣшенію его, предлагая для того устроить особую *ковальную школу*.

Мысль о томъ, что такая школа необходима и что въ ней въ одной заключается возможное разрѣшеніе задачи о снабженіи кавалеріи свѣдущими кузнецами, мысль эта до того вѣрна и очевидна, что считаемъ даже излишнимъ останавливаться на ней. Но каковы должны быть основанія этой школы — вотъ вопросъ, на которомъ нельзя не остановиться, ибо отъ той или другой постановки его зависитъ и весь успѣхъ школы. Остановимся же на немъ, или, лучше, на томъ рѣшеніи его, которое предлагаетъ г. Гольцманъ.

Начнемъ съ того, что мы безусловно соглашаемся со всѣмъ тѣмъ, что г. Гольцманъ говоритъ относительно мѣста, гдѣ должна быть помѣщена ковальная школа, методы и программъ предметовъ, долженствующихъ быть принятыми въ ней, словомъ, со всѣмъ, что онъ говоритъ о подробностяхъ устройства ея. Дѣйствительно, какъ относительно внутренней, такъ и виѣшней обстановки, школа должна соединять въ себѣ все то, что предлагаетъ соединить въ ней г. Гольцманъ. Только такъ устроенная и такъ всѣмъ обставленная ковальная школа и можетъ отвѣчать главной цѣли своей, заключающейся въ томъ, чтобы снабдить нашу артилерію и конницу *не просто кузнецами*, какихъ и сами оба эти рода оружія до сихъ поръ выработывали для себя, а *кузнецами вполне свѣдущими, изучившими ремесло свое на точныхъ основаніяхъ современной ветеринарной науки*, и какихъ ни въ батареяхъ, ни въ полкахъ образовать нельзя. Но вотъ вопросъ: *кого же* въ этой, такъ *раціонально* устроенной ковальной школѣ собирается обучать г. Гольцманъ? Солдатъ, взятыхъ изъ полковъ резервныхъ эскадроновъ и батарей, отвѣчаетъ онъ. Ну, если такъ, то извините насъ, г. Гольцманъ, а мы вамъ скажемъ прямо и не обинуясь, что въ такомъ случаѣ не изъ чего было вамъ ни хлопотать, ни писать прекраснаго вашего проекта, потому что при подобномъ условіи ваша ковальная школа, несмотря на всю раціональность ея основъ, принесетъ въ дѣлѣ снабженія кавалеріи и артилеріи кузнецами во сто разъ менѣе пользы, чѣмъ учебный кавалерійскій эскадронъ.

Мы видѣли выше тѣ нравственныя, крайне невыгодныя условія, которыя, помимо всего прочаго, дѣлали безуспѣшными

занятія солдата, отдавнаго въ ученики къ частному мастеру и на которыхъ, къ сожалѣнію, г. Гольцманъ не обратилъ должнаго вниманія. Эти же самыя условія будутъ сопровождать, а сдѣловательно и дѣлать безуспѣшнымъ, трудъ солдата, и тогда, когда его отдадутъ въ ученіе и въ ковальную школу, такъ какъ условія эти вытекаютъ не изъ того, куда отданъ въ обученіе солдатъ, къ вольному мастеру или въ ковальную школу, а изъ самой сущности отдачи солдата въ обученіе искусству или ремеслу вообще. Довольно и того, если мы изъ чело-вѣка, взятаго въ рекруты, сдѣлаемъ хорошаго солдата и вѣрнаго слугу царю и государству: гдѣ же тутъ задаваться еще задачами о томъ, какъ сдѣлать изъ него ученаго художника или ремесленника? Довольно того, если этотъ чело-вѣкъ, взятый въ рекруты, постарается самъ сдѣлаться хорошимъ солдатомъ и вѣрнымъ слугою отечества и царю: какъ же отъ него требовать, чтобы за время службы своей онъ сдѣлался бы еще и экспертомъ—мастеромъ разныхъ вольныхъ художествъ? Мысль о томъ, что изъ солдатъ можно *выдѣлывать не только солдатъ, но и всякихъ искусниковъ*, ведетъ свое начало изъ того крѣпостнаго строя нашего государства, который могучею волею нашего великаго царя нынѣ передѣланъ въ конецъ и уже отпраздновалъ свою тризну. Эта мысль отжила свой вѣкъ, да и слава Богу! Усиливаясь проводить ее, мы будемъ тѣмъ не достигать предполагаемыхъ цѣлей, а становиться въ противорѣчіе тѣмъ новымъ и живымъ началамъ, которыя державною рукою внесены въ матеріальную и умственную жизнь нашу манифестомъ 19-го февраля. Да и Богъ съ ней, съ этой мыслию!... Представляя нѣкоторыя только *мнимыя* экономическія выгоды, она, *въ широкомъ осуществленіи своемъ*, по самой сущности своей, невыгодна ни государству, ни арміи, ибо отвлекаетъ самымъ незамѣтнымъ образомъ множество солдатъ отъ истиннаго ихъ назначенія, создаетъ цѣлую кучу прикомандированій и откомандированій, прямо въ ущербъ важнѣйшимъ и главнѣйшимъ интересамъ службы.

Смѣло можемъ завѣрить г. Гольцмана, что нерадивость и лѣнь, которыя парализовали успѣшность занятій солдатъ, отданныхъ къ вольнымъ мастерамъ въ обученіе, принесутся ими и въ ковальную школу, и также точно парализуютъ успѣхъ и ея. Вы скажете, что нерадивость и лѣнь можно будетъ устранить въ проектируемой вами школѣ посредствомъ

наградъ и высканій, права на которыя можно будетъ предоста-
вить начальнику школы и учителямъ.

На счетъ наградъ замѣтимъ, что это средство не новое. Вы присуждаете въ проектѣ нашему только шесть денеж-
ныхъ наградъ, раздаваемыхъ лучшимъ ученикамъ, а пол-
ковые командиры назначали эти награды каждому, кого они
отдавали въ обученіе, да чтожь изъ того вышло? Что ка-
сается до высканій, то недѣйствительность ихъ въ дѣлѣ
всѣобщаго возбужденія въ человѣкѣ охоты и энергіи къ труду при-
знана давно такою аксіомическою истинною, которую непри-
лично нынѣ даже доказывать. На принципѣ принужденія къ
труду можетъ быть еще основано какое-либо исправительное
заведеніе, но не рациональная школа, въ которой какъ учащіе,
такъ и учащіеся не могутъ двигаться ничѣмъ инымъ, кромѣ
доброй воли и личной охоты.

Но допустимъ даже, что всѣ тѣ невыгодныя условія, среди
которыхъ естественнымъ образомъ стоитъ приложеніе солдат-
скаго труда къ изученію какого-либо ремесла, и могутъ быть
кажъ-либо обойдены. Развѣ этимъ все будетъ побѣждено? Увы,
нѣтъ! За отстраненіемъ этихъ неотстранимыхъ неудобствъ явля-
ются новыя, о которыхъ самъ же говорить г. Гольцманъ, не
замѣчая того.

Такъ, наврѣмѣръ, онъ говоритъ, что посылать въ коваль-
ную школу молодыхъ, мало-подготовленныхъ кузнецовъ не
стоитъ, и что гораздо лучше посылать туда кузнецовъ, уже
прослужившихъ пять, шесть лѣтъ. И это совершенно вѣрно,
но какой же будетъ результатъ? А тотъ, что если мы по-
шлемъ въ школу молодыхъ, неподготовленныхъ солдатъ, то
они выйдутъ изъ нея тѣми же, какими и отправились, т. е.
недоучками, какихъ мы и безъ школы у себя дома можемъ
приготовить; если же мы пошлемъ туда людей, прослужив-
шихъ пять, шесть лѣтъ, то эти люди, по окончаніи курса
школы, пойдутъ уже не въ полки, а въ домовую отпускъ; да
если и вернуться они въ полки, то на такое короткое время,
что мало успѣютъ въ нихъ и сдѣлать. Въдѣ вынѣшній сол-
датъ служить не 25, а всего 15 лѣтъ, изъ которыхъ действи-
тельной службы полагается только 10 лѣтъ, а на дѣлѣ и то-
го меньше! При составленіи проекта не мѣшало бы г. Гольц-
ману вспомнить объ этомъ обстоятельстве, котораго одного
достаточно, чтобы разрушить весь его прекрасный проектъ.

Но и это еще не все. Г. Гольцманъ говорить, что, помимо достаточной подготовленности въ кузнечномъ дѣлѣ, люди, поступающіе въ ковальную школу, должны каждый *умѣть читать и писать*. И действительно, для слушанія того курса, который хочет г. Гольцманъ проходить въ ковальной школѣ, и которой необходимъ для образованія свѣдущаго кузнеца, это условіе непрѣмное. Но тутъ опять является вопросъ: легко ли, возможно ли полкамъ прискаты людей, которые соединяли бы въ себѣ столько условій? Помилуйте, гдѣ намъ искать грамотѣвъ между кузнецами, когда ихъ нѣтъ много найдешь и въ канцеляріяхъ полковъ! Скажете, что для этого существуютъ школы грамотности въ эскадронахъ и полкахъ... Существовать—то онѣ действительно существуютъ, но только весьма мало даютъ, да больше—то и дать, къ сожалѣнію, не могутъ: обязанности кавалерійской службы такъ многосложны, что свободнаго времени отъ нихъ, которое можно бы было употребить на обученіе солдатъ грамотѣ, почти не остается вовсе.

Итакъ, г. Гольцманъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ тѣмъ чувствамъ, которыя руководили вами при составленіи проекта, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ его, которымъ вы, вводя въ ковальную школу солдатъ, думаете сдѣлать изъ нихъ не только свѣдущихъ кузнецовъ, но даже иногда свѣдущихъ учителей, и все это въ одинъ годъ!.. Но, сознавая всю надобность подобной школы и, вѣсть съ тѣмъ, желая именно вашей школѣ наискорѣйшаго осуществленія и наибольшаго успѣха, мы думаемъ, что успѣхъ достигнется гораздо вѣрнѣе, если въ ученики въ ковальную школу возьмутся не солдаты, а, на примѣръ, ученики, окончившіе курсъ военно-начальныхъ школъ, уѣздныхъ училищъ и т. п., которымъ за успѣшное окончаніе курса будутъ предоставлены званіе *ученаго кузнеца* и *права чиновника военного ведомства*, или хотя *права и содержаніе вольныхъ оружейныхъ мастеровъ*. Не думайте, что не явится лицъ, желающихъ учиться въ ковальной школѣ и воспользоваться такими правами; вѣрьте, что ихъ явится больше, чѣмъ будетъ нужно, и явятся они не съ солдатскимъ естественнымъ нерадѣніемъ, а съ доброю волею, не съ солдатскою грамотностію, грамотностію только по названію, а съ достаточною учебною подготовкою, безъ которой проходить предлагаемаго вами курса положительно нельзя.

Сама собою разумеется, что годичнаго курса для таинствъ ученыхъ будетъ маловато; пусть будетъ онъ продолжаться, пожалуй, и два, и три года: бѣда не велика! А въ особенности, если вспомнить, какъ окупаея дороговизна въ дѣлѣ всякой науки.

Посмотрите, отчего оружейное дѣло въ нашей вѣхотѣ и у драгунъ стоитъ на такой твердой ногѣ? Отъ того, что въ каждомъ полку есть вольный оружейный мастеръ, *котараго сдѣлали не изъ солдата, а котарый самъ собою сдѣлался*: да образовалъ вокругъ себя изъ солдатъ не ученыхъ мастеровъ, но весьма полезныхъ и дѣльныхъ чернорабочихъ, своихъ ближайшихъ помощниковъ. Почему же не завести, по примѣру такого вольнаго оружейнаго мастера, и *вольнаго ученаго кузнеца* въ каждомъ кавалерійскомъ полку, въ резервномъ эскадронѣ и въ артилерійской бригадѣ? Наблюдая за ковкой и управляя ею, такой мастеръ не только держалъ бы ковку на желательной степени совершенства, но образовалъ бы изъ солдатъ хорошихъ, *не ученыхъ, а простыхъ кузнецовъ*, дѣльныхъ своихъ помощниковъ. И все это сдѣлалось бы, такъ сказать, само собою, безъ командированій и откомандированій: у себя дома, въ полку, подъ надзоромъ ближайшаго начальства, т. е. при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ каждый солдатъ дѣлаетъ всякое дѣло гораздо усидчивѣе и усерднѣе, слѣдовательно и лучше.

Есть впрочемъ еще одна мѣра, на которую, казалось бы, можно и должно было бы обратить вниманіе въ видахъ усовершенствованія у насъковки казенныхъ лошадей, и о которой мы не можемъ здѣсь не упомянуть. У насъ въ каждомъ полку имѣются ветеринарные лекаря, окончившіе курсъ въ ветеринарныхъ отдѣленіяхъ медицинскихъ факультетовъ. Наибольшая часть этихъ господъ ветеринарныхъ лекарей обладаетъ весьма отчетливыми свѣдѣніями по всѣмъ частямъ своего предмета, за исключеніемъ одной, именно *ковки*, о которой они почти всѣ, безъ исключенія, имѣютъ свѣдѣнія крайне поверхностныя, слѣдовательно и недостаточныя. Какая тому причина? Та, что въ ветеринарныхъ отдѣленіяхъ медицинскихъ факультетовъ не обращено на этотъ предметъ такого вниманія, какое на него обращено, напримѣръ, въ вѣнской ветеринарной школѣ. Почему бы у насъ въ ветеринарныхъ отдѣленіяхъ не поставить дѣло изученіяковки на ту степень, на какой она стоитъ въ этой школѣ?...

Грустно намъ было читать тѣ строки статьи г. Гольцмана, гдѣ онъ самъ сознается, что не можетъ приносить столько пользы своему второму отечеству, сколько бы онъ могъ; грустно тѣмъ болѣе, что г. Гольцманъ дѣйствительно можетъ своими превосходными теоретическими и практическими свѣдѣніями приносить огромную нашей арміи пользу. Но для того, чтобы онъ могъ принести эту пользу, необходимо его поставить не въ тѣ условія, среди которыхъ онъ нынѣ стоитъ, дать ему въ руки другой матеріалъ, не тотъ, который онъ имѣетъ теперь и который, въ лицѣ солдатъ, можетъ получить въ проектируемой имъ кавальной школѣ, если ей суждено явиться.

Г. Кременчугъ.

И. Д. Новицкій.